

ОСОБЕННОСТИ СМЕНЫ ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е.С. Леонов

Генеральное консульство РФ во Франкфурте-на-Майне, Эшенхаймер Анлаге 33-34, 60318 Франкфурт-на-Майне, Германия.

В последнее время в России постепенно назревала необходимость осуществить радикальную смену ориентиров во внешней энергетической политике по причине неконструктивности и высокой степени политизированности подхода ЕС – главного и традиционного партнёра России – к решению ряда основополагающих вопросов сотрудничества. В первую очередь речь идёт о неудачных попытках создать региональную систему обеспечения энергетической безопасности, в основе которой лежали бы соответствующие институты и нормативно-правовая база, из-за нежелания ЕС считаться с позицией России как нетто-экспортёра энергоресурсов. В результате на данный момент в двустороннем энергетическом сотрудничестве между Россией и ЕС образовался «правовой вакуум», который пока не удалось заполнить.

Текущий политический кризис в Европе, вызванный присоединением Крыма к России и событиями на Украине, обострил закоренелые проблемы энергетического партнёрства Россия–ЕС. В то же время активно реализуемый ЕС курс по диверсификации источников и маршрутов транспортировки энергоносителей ставит под сомнение исключительную роль России в качестве ключевого поставщика энергоресурсов в Европу. Эти факторы повлияли на существенный пересмотр Россией своих интересов в пользу восточного направления, квинтэссенцией чего стало подписание 21 мая 2014 г. многообещающего контракта с Китаем, а также меморандума с Турцией от 1 декабря 2014 г. Оба договора способны внести изменения в современный расклад сил на мировом энергетическом рынке.

В статье рассматриваются предпосылки и причины современной активности России на восточном направлении.

Ключевые слова: Европейский союз, Россия, энергетическое партнёрство, энергетическая безопасность, энергетический диалог, энергетическая зависимость, диверсификация импорта энергоресурсов, внешняя энергетическая политика России.

21 мая 2014 г. между российским концерном «Газпром» и китайской компанией CNPC был подписан рассчитанный на 30 лет договор на поставки газа по так называемому «восточному маршруту», а в ближайшем будущем планируется заключить похожий договор в отношении «западного направления», которые вместе способны кардинально изменить расклад сил на глобальном энергетическом рынке. Существуют реальные основания предполагать, что новый пакет соглашений, уже наречённый энергетическим контрактом XXI в., является проявлением давно назревшей необходимости смещения внешних энергетических ориентиров России с запада на восток в долгосрочной перспективе.

Одновременно с этим 1 декабря 2014 г. было официально объявлено о расширении энергетического партнёрства с Турцией, вторым по величине импортёром российского газа. В ходе соответствующих переговоров были достигнуты договорённости о возможном увеличении мощности уже существующего газопровода «Голубой поток», а также о строительстве нового трубопровода с пропускной способностью около 63 млрд куб. м в год. Знаменательно, что решительный шаг в сторону активного сотрудничества с Турцией был сделан сразу же после официального заявления российской стороны о прекращении реализации проекта «Южный поток». Тем самым руководство России абсолютно чётко дало понять, что ввиду неконструктивной позиции ЕС Россия не желает напрямую сотрудничать с европейскими партнёрами на невыгодных для неё условиях.

В последнее время прослеживается определённая тенденция в энергетическом сотрудничестве между Россией и ЕС, выраженная в стремлении российской стороны уменьшить зависимость путём поиска новых долгосрочных партнёров. Это связано как с давними закоренелыми проблемами сотрудничества с ЕС – невозможностью выработки единых подходов к решению целого ряда вопросов на протяжении уже многих лет, в том числе – относительно заполнения «правового вакуума», так и с обострением текущей политической обстановки в Европе. Кризис в Европе, вызванный присоединением Крыма к России и событиями на Украине, ещё сильнее обострил «хронические заболевания» энергетического партнёрства России и Запада.

К ключевым проблемам взаимодействия ЕС и России следует отнести в первую очередь неудачные попытки сторон построить региональную систему обеспечения энергетической безопасности, которая представляла бы собой совокупность связей между различными элементами (между производителями – потребителями – транзитными странами, а также иными группами интересов). Проблема коллективной энергобезопасности возникла впервые с началом интенсификации процессов глобализации в мире после распада биполярной системы, при-

ватизации и либерализации энергетических рынков, развёрнутых в ЕС и России с 1990-х гг., а также дальнейшим углублением интеграционных процессов в Европе. Стало очевидно, что невозможно достичь энергетической безопасности в одностороннем порядке либо отдельными группами, игнорируя фактор глобальной взаимозависимости [4]. Энергетическая политика любой из сторон тем или иным образом оставляет свой отпечаток на процессе обеспечения региональной и международной энергетической безопасности.

Процесс глобализации энергетических проблем повлёк за собой необходимость выработки единого подхода на основе всеми признаваемых принципов, а также создания международного эффективного всеобъемлющего механизма, который мог бы обеспечить легитимный контроль и арбитраж любых спорных случаев в энергетической сфере [1, с. 36]. В результате европейские страны и Россия столкнулись с проблемой отсутствия как самого механизма, так и соответствующих авторитетных институтов и нормативно-правовых документов, которые признавались бы всеми участниками и, таким образом, могли бы на практике обеспечить справедливость распределения и доставки энергетических ресурсов. На сегодняшний день в этом направлении мало что было достигнуто.

Почти все основополагающие документы, разработанные европейскими специалистами и имеющие отношение к созданию правового поля международного сотрудничества в энергетической сфере, а также формированию основных принципов функционирования глобального энергетического рынка, рассматриваются Россией как откровенно дискриминационные. Это может быть объяснено тем, что интересы Запада в энергетическом сотрудничестве с Россией связаны исключительно с обеспечением доступа к российской ресурсно-сырьевой базе. В долгосрочной же перспективе – и установлением контроля над российским топливно-энергетическим комплексом. Одним словом, ЕС рассматривает сотрудничество с Россией не как диалог равных, а как диктат своих собственных интересов.

Так, третий энергопакет ЕС (директива 2009/73/CE), направленный на либерализацию энергетического рынка, предполагает разрушение монопольной структуры рынков за счёт разделения функций вертикально интегрированных компаний (на добычу, транспортировку и сбыт) [2]. Иначе говоря, процесс либерализации доступа к газотранспортной инфраструктуре создаёт обстановку, при которой газодобывающие компании не вправе владеть магистральными трубопроводами на территории ЕС, а также обязаны либо продавать свои транспортные сети, либо передавать управление независимым компаниям, либо гарантировать доступ другим участникам к 50% своих мощностей [6].

Это однозначно не отвечает интересам российского концерна «Газпром», который является

одновременно продавцом топлива, поставщиком и добывающей компанией. Фактически в случае признания российской стороной принципов третьего энергопакета «Газпром» может потерять доступ к своей же транспортной инфраструктуре. Учитывая, что более 50% акционерного капитала «Газпрома» контролирует государство, то несложно понять, что это прямой вызов России. Сегодня «Газпром» уже ощущает на себе влияние третьего энергопакета: концерн загрузил «Северный поток» лишь на 50% своих мощностей, а на «Южном потоке» в начале декабря 2014 г. был поставлен окончательный крест. В результате, Россия однозначно остаётся в проигрыше, учитывая возникающие в этой связи огромные финансовые потери, что никак не интересует европейских коллег.

В последнее время российская сторона неоднократно выдвигала различные альтернативные инициативы с учётом интересов всех участников энергетических отношений, а также выработки механизма предотвращения и преодоления чрезвычайных и конфликтных ситуаций при транзите углеводородов. Одной из таких инициатив стал представленный в апреле 2009 г. Д. Медведевым в ходе своего визита в Финляндию сбалансированный проект, который предлагал создать новый международный юридически обязывающий документ, охватывающий основные аспекты глобального энергетического взаимодействия и который в итоге был проигнорирован Европой. По ходу того, как ЕС раз за разом отклонял конструктивные предложения российской стороны, возникло отчётливое убеждение в том, что европейские партнёры преследуют конкретные политически ориентированные цели и действуют по заранее определённой установке, превращая тем самым переговорный процесс в фарс. Поняв безрезультатность переговоров и не желая втягиваться в политическую игру Запада, в апреле 2014 г. российская сторона подала иск в ВТО в связи с применением мер третьего энергетического пакета.

Другим примером стремления ЕС достичь поставленных целей политически ангажированными методами стало антимонопольное расследование Еврокомиссии в отношении якобы имеющегося нарушения «Газпромом» европейского антимонопольного права, а точнее – 102-ой статьи Договора о функционировании ЕС. В частности, Еврокомиссия ссылалась на недопустимость «применения к торговым партнёрам неравных условий в отношении одинаковых сделок, ставя их тем самым в неблагоприятное конкурентное положение»¹. Газпром, по мнению Европы, поставляет газ в страны-члены ЕС по разным ценам, проводя избирательную поли-

тику предоставления скидок. Кроме того, были выставлены обвинения в попытках российского концерна разделить европейский рынок газа на отдельные сегменты, а также помешать диверсификационной политике ЕС. Очевидно, что Европе нужен был повод для оказания политического давления с целью общего снижения цены на российский газ². «Антимонопольная кампания» стала одним из тех негативных факторов, которые заложили недоверие к европейским партнёрам и в итоге стали предпосылками для активизации восточного направления внешней энергетической политики России.

В целом, переговоры по энергетической проблематике между ЕС и Россией начали стагнировать уже давно – с тех самых времён, как некогда перспективная форма взаимодействия в виде Энергетического диалога «ЕС – Россия», способная хотя бы частично решить проблему «правового вакуума», превратилась в формальность. Это было связано:

– во-первых, с кардинальным расхождением в подходах партнёров: с европейской стороны – максимальная либерализация пространства, с российской – получение прибыли путём контроля над своей газопроводной системой;

– во-вторых, проблемы также кроются в неконструктивности и даже порой хаотичности современной энергетической политики ЕС как единого Сообщества, что однозначно оставляет негативный отпечаток на развитии российско-европейского партнёрства. В частности, несмотря на процесс поэтапного реформирования энергетического рынка ЕС, начатого с принятием первой электрической директивы в 1996 г., в настоящее время вместо единого либерализованного энергетического пространства, управляемого посредством наднациональных регуляторов, существует совокупность отдельных олигопольных национальных и региональных рынков, которые связаны между собой довольно тонкой нитью [2]. ЕС пока не удаётся сформировать полноценное внешнее измерение своей энергетической политики в связи с непоследовательностью подходов в этом направлении.

С одной стороны, Еврокомиссия заявляет о необходимости стран-членов ЕС «говорить одним голосом», однако, с другой – ни в одном учредительном документе ЕС нет конкретных инструкций по реализации данной политики. Так, Лиссабонский договор, предлагающий европейским государствам действовать «в духе солидарности», одновременно закрепляет за странами-членами ЕС право на самостоятельное определение источников поставок энергоресурсов. А те документы, которые всё же были недавно приняты Еврокомиссией с целью выстраива-

¹ См.: Текст Договора о функционировании ЕС // [Электронный ресурс] <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (дата обращения: 12.10.2014).

² См.: В «Газпроме» считают расследование ЕК против него попыткой давления. Информационное агентство «РИА Новости» // [Электронный ресурс] <http://ria.ru/economy/20130530/940329650.html> (дата обращения: 11.10.2014).

■ Международные отношения и мировая политика

ния единой внешней энергетической политики ЕС (концептуальный документ «Энергетическая политика ЕС: взаимодействуя с партнёрами за пределами наших границ» от 7 сентября 2011 г., решение 994/2012/ЕС от 25 октября 2012 г. и т.д.) не всегда исполняются наиболее крупными и влиятельными странами ЕС. Например, Германия продолжает проводить независимую внешнюю энергетическую политику, исходя из собственных энергетических интересов.

Аналогичная ситуация сложилась с крупнейшими частными ТНК, деятельность которых также не согласована. В частности, решение 994/2012/ЕС о механизме обмена информацией в отношении двусторонних энергетических соглашений не распространяется на договоры между коммерческими компаниями. В отсутствие скоординированной внешней энергетической политики Еврокомиссии остаётся сегодня лишь выполнять роль арбитра или, как выразился однажды Комиссар ЕС по энергетике Г. Эттингер, «советника» при проведении межгосударственных двусторонних энергетических переговоров [3, с. 83–85]. Таким образом, при наличии огромного количества неотрегулированных механизмов в ЕС, «ЭнергодIALOG» теряет свою эффективность.

Ещё одно звено в цепочке давних нерешённых совместных с ЕС проблем – украинский фактор, ставший уже целым феноменом. С одной стороны, речь идёт об излюбленной Украиной практике шантажа и угроз несанкционированным отбором газа и неполной поставкой его в Европу, на что европейские партнёры не реагируют; с другой – о нежелании ЕС в очередной раз рассмотреть конкретные предложения России по внесению изменений в транзит газа через Украину (например, инициатива по созданию единой газотранспортной сети и т.д.) [7, с. 19]. Кризис на Украине 2014–2015 гг. развеял последние надежды даже у самых закоренелых оптимистов в отношении окончательного урегулирования вопроса с поставками российского газа в Европу через некогда «братскую» страну.

Другой острой проблемой сотрудничества ЕС и России, стимулирующей смену внешнеполитических ориентиров России, является отчётливо сформировавшийся курс Западной Европы по диверсификации источников, поставщиков и маршрутов транспортировки энергоносителей, развитию новых источников энергии, а также технологий в сфере энергоэффективности [5, с. 39]. Все эти задачи значатся в большинстве основополагающих энергетических стратегий ЕС как ключевые с точки зрения обеспечения безопасности региона («Европа 2020: стратегия рационального, устойчивого и инклюзивного роста» от 10 ноября 2010 г., «Европейская стратегия обеспечения энергетической безопасности» от 28 мая 2014 г. и др.). Последняя стратегия была одобрена Еврокомиссией в качестве реакции на присоединение Крыма к России и украинский кризис.

Нестабильная обстановка в стране-транзитёре, а также политические противоречия между Западом и Россией, представляющие прямую угрозу регулярным энергопоставкам в ЕС, – аргумент, используемый Европой для реализации политики диверсификации импорта, цель которой – снижение доли российских углеводородов в энергобалансе стран-членов ЕС и, соответственно, общей энергозависимости европейского региона от России. Энергетическая зависимость Европы, несмотря на постепенное её ослабление, пока остаётся серьёзной: по данным Евростата, в среднем ЕС зависит от России в поставках газа на 30%, нефти – на 35%, угля – 26%. Как отмечает Еврокомиссия, шесть стран-членов ЕС характеризуются стопроцентной привязанностью к российскому газу: это Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, Болгария и Словакия.

При разработке курса на диверсификацию импорта ЕС исходит не только из вероятности нарушения поставок топлива при возникновении кризиса в транзитной стране. Зачастую европейцы ссылаются на вынужденность принятия подобных «защитных мер» ввиду того, что Россия может использовать свой контроль над значительной долей европейского импорта энергоносителей в качестве рычага давления и шантажа, угрожая перекрыть поставки углеводородов в принципе. По мнению западных партнёров, Россия уже неоднократно использовала фактор «газового вентиля» в переговорном процессе со своими непосредственными соседями по СНГ. Опасаясь их возможной прозападной ориентации, Россия якобы таким образом ограничивает политическую и экономическую самостоятельность этих государств. Так, некоторые европейские и украинские СМИ неоднократно отмечали, что Россия шантажировала Украину возможным изменением механизма оплаты топлива (в частности, обсуждалась вероятность ввода системы предоплаты), пытаясь предостеречь её сближение с Европой, в том числе имея в виду недавние переговоры об ассоциации с ЕС.

Ряд экспертов, однако, ставят под сомнение фатальность энергетической зависимости ЕС от России, считая её преднамеренно преувеличенной. Так, по некоторым данным, даже в случае полной остановки поставок топлива из России через проблемные транзитные участки, страны-члены ЕС смогут беспрепятственно «перезимовать», по меньшей мере, один сезон. Развивая новые коридоры поставок (о которых пойдёт речь далее), ЕС одновременно создаёт стратегические запасы углеводородов: в 2014 г. впервые в истории почти полностью были заполнены газовые хранилища Европы в объёме 70–80 млрд куб. м. Кроме того, европейцы каждый год улучшают взаимосвязь между газотранспортными системами внутри ЕС на случай экстренной необходимости взаимобмена ресурсами, а также проводят меры по унификации ценовой политики. По некоторым прогнозам, в долгосрочной перспективе в случае

острой необходимости (например, в результате очередных энергетических кризисов) возможно объединение газотранспортной системы всего Союза и появление единого оператора, невзирая на антимонопольные требования [7, с. 19].

Таким образом, Европа готова к возможным сбоям в поставках углеводородов. Из этого следует, что активно популяризируемый в последнее время европейский курс по расширению направлений энергопоставок, обоснованный критической энергозависимостью от России, может представлять особый интерес для отдельных политических групп и бизнес-структур. Ряду акторов МО, в частности, западным ТНК выгоден курс на диверсификацию источников поставок ресурсов, позволяющий открывать новые прибыльные направления импорта энергоресурсов, помимо российского. А таких направлений у ЕС немало.

Основные усилия ЕС сфокусированы на расширении энергетической экспансии в Центральной Азии и в регионе БВСА. Особого внимания заслуживает Южный газовый коридор, в рамках которого ЕС активно сотрудничает с Азербайджаном и Туркменистаном. Планируемый коридор состоит из нескольких звеньев:

- Трансадриатического газопровода (Каспийский регион, Греция, Албания, Адриатическое море, Италия);

- Трансатлантийского трубопровода (Азербайджан, Турция, Европа);

- интерконнектора «AGRI» (из Азербайджана в Центральную Европу через Грузию и Румынию);

- Транскаспийского газопровода и трубопровода «Восток-Запад» (оба – Туркменистан, Азербайджан, Турция, Европа).

Плановая суммарная мощность перечисленных газопроводов составит около 80 млрд куб. м. Следует, правда, отметить, что все эти проекты имеют характер «долгостроев» и смогут выйти на заявленные мощности лишь к 2020 г. В Каспийском регионе для ЕС существуют также определённые перспективы в плане поставок сжиженного газа (далее – СПГ) из Ирана, который способен к 2030 г. добывать порядка 226 млрд куб. м голубого топлива [9, с. 25].

В регионе БВСА главным партнёром ЕС является Алжир, второе по объёмам запасов газа государство в Африке после Нигерии и третья страна по объёмам поставок газа в Европу (доля от общего импорта – около 14%). Поставки в ЕС из Алжира осуществляются по трём газопроводам: «Medgaz», «Магриб-Европа», а также «Enrico Mattei Gasline». Общая мощность проектов – 53 млрд куб. м. Кроме того, большие надежды возлагаются на газопровод «GALSI» с пропускной способностью 8 млрд куб. м и Транссахарский газопровод с планируемой мощностью около

30 млрд куб. м, строительство которых пока отложено [9, с. 27]. Реализация последнего оставлена в связи с политической обстановкой в Нигерии, откуда будет поставляться газ через территорию Алжира в ЕС.

Особую роль в регионе Магриба играет проект «Средиземноморского газового кольца», состоящего из нескольких линий транспортировки газа, среди них – «Greenstream» (Ливия-Италия), а также «Арабский газопровод» (Египет, Иордания, Сирия, Ливан, Турция, Кипр). Поставки топлива из Ливии и Египта, правда, сопряжены с большим количеством рисков, учитывая тяжёлую политическую ситуацию в результате событий «арабской весны». Говоря об остальной Африке, следует отметить, что Нигерия имеет колоссальный потенциал, учитывая самые обширные запасы газа в Африке. В настоящее время страна специализируется в основном на поставках СПГ на европейский континент – около 15 млрд куб. м [9, с. 29].

Ключевое место в европейской стратегии по диверсификации источников импорта энергоресурсов занимает главный мировой экспортёр СПГ – Катар, который снабжает ЕС 38 млрд куб. м СПГ, что составляет порядка 9% от общего объёма импорта газа в Европу [9, с. 26]. Относительно недавно ЕС начал работать над проектом «Desertec» по развитию солнечной энергетики на африканском континенте и дальнейшей поставке экологически чистой энергии в Европу. Планируется строительство солнечных электростанций в Северной Африке, а также прокладка необходимой инфраструктуры для её транспортировки, что обойдётся европейским странам по прогнозам в сумму около 400 млрд евро. Это позволит снизить расходы на электричество в Европе примерно на 40%, а также удовлетворить 20% европейского энергопотребления. Кроме того, проект может внести значительный вклад в увеличение доли ВИЭ в общем европейском энергодобавке к 2050 г. до 90–100%³.

В долгосрочной перспективе возможны кардинальные изменения в американо-европейском энергетическом сотрудничестве. Заметны определённые положительные тенденции в области поставок СПГ из США. В настоящее время уже подано около 23 заявок на строительство в США заводов по сжижению природного газа. В свою очередь, на заседании Энергетического совета ЕС–США 2 апреля 2014 г. госсекретарь США Дж. Керри заявил о планируемом открытии в 2015 г. первого экспортного терминала «Sabine Pass» (пропускная способность – 22,7 млрд куб. м). К 2018–2020 гг. объёмы поставок СПГ из США в Европу способны достичь 66 млрд куб. м. К этому времени, скорее всего, произойдёт подписание трансатлантического соглашения о свободной торговле между ЕС и США, кото-

³ См.: Демидова О. Desertec: Сахара может на 40 процентов снизить стоимость электроэнергии в ЕС. «Немецкая Волна» // [Электронный ресурс] <http://www.dw.de/desertec-сахара-может-на-40-процентов-снизить-стоимость-электроэнергии-в-ес/a-16042353>. (дата обращения: 19.10.2014).

■ Международные отношения и мировая политика

рое окончательно даст с правовой точки зрения «зелёный коридор» поставкам американского сланцевого газа. На саммите ЕС–США в Брюсселе 26 марта 2014 г. неоднократно поднимался вопрос о необходимости скорейшего заключения трансатлантического торгово-инвестиционного партнёрства [9, с. 23].

Одновременно с этим тезис о желательности для Европы диверсифицировать маршруты поставок энергоресурсов за счёт поиска новых поставщиков не всегда состоятелен. Политика в её обобщённом понимании окончательно задаёт тон в XXI в. Так, 17 апреля 2014 г. в качестве реакции на присоединение Крыма к России и события на Украине Европарламент принял резолюцию рекомендательного характера, в соответствии с которой решено на время прекратить строительство «Южного потока». Причём официально европейские чиновники обосновали своё решение несоответствием проекта принципам третьего энергетического пакета ЕС. Подобная позиция Запада, которую можно охарактеризовать как невнятную, стала одной из главных причин официального замораживания проекта российской стороной, о чём было сделано соответствующее заявление 1 декабря 2014 г.

Этот проект, реализация которого началась в соответствии с меморандумом о взаимопонимании между «Газпром» и итальянской компанией «Eni» от 2007 г., должен был стать важным элементом современной архитектуры европейской энергетической безопасности, так как минимизировал транзитные риски поставок российского природного газа в Европу⁴. Кроме того, «Южный поток» способен был предоставить европейцам тысячи рабочих мест благодаря своим огромным инфраструктурным возможностям, что особенно важно с учётом кризисных тенденций в экономике ряда европейских стран, в особенности – балканских (Болгария, Сербия и др.), по территории которых должна была пройти основная ветка газопровода. Приостановив реализацию проекта первыми, европейские коллеги откровенно продемонстрировали общественности, что они готовы пренебречь социально-экономическими интересами «малых» партнёров по ЕС, а также закрыть глаза на энергобезопасность европейского континента ради преследования сугубо политических целей.

Наряду с расширением географии поставок топлива и реализации проектов, связанных с развитием ВИЭ, ЕС нацелен на общее повышение энергоэффективности европейской экономики. Так, 23 июля 2014 г. Еврокомиссия сформулировала новую цель – повышение энергоэффективности в странах ЕС до 30% к 2030 г., что достижимо при условии масштабных инвестиций в сферу энергосберегающих технологий и модернизацию отопительных систем. Как отметил комиссар ЕС по энергетике Г. Эттингер, соответствующие финансовые средства будут найдены за счёт снижения зависимости ЕС от импорта углеводородного топлива, в первую очередь из России⁵.

На этом фоне заключение долгосрочного контракта с Китаем, предполагающего поставку в КНР 38 млрд куб. м. в год на общую сумму в 400 млрд долл. (пока только по «восточному маршруту») на понятных и прозрачных условиях для обеих сторон, является сбалансированным и оптимальным шагом в современных условиях. Следующим этапом станет подписание соглашения о развитии «западного маршрута» поставок газа, где ресурсной базой станет Западная Сибирь, откуда в настоящее время осуществляются поставки в Европу⁶. Таким образом, уже сегодня закладывается фундамент для будущей переориентации экспортной политики России.

По предварительным прогнозам, на долю Китая, который к 2040 г. способен стать главным потребителем газа в мире, будет приходиться порядка 20% российского экспорта «голубого топлива»⁷. При этом КНР не заинтересована в политической ангажированности будущего энергетического партнёрства, поскольку между обеими странами практически нет конфликтных точек соприкосновения на данном этапе развития МО. Китай, в отличие от ЕС, не навязывает «Газпрому» требование в условиях отсутствия глобального рынка газа учитывать спотовые цены в долгосрочных контрактах, что однозначно выгодно российскому концерну. Соглашение открывает возможности для вложения инвестиций в развитие трубопроводной инфраструктуры на востоке России, разработку месторождений, а также создаёт плацдарм для будущего покорения новых рынков в АТР.

В свою очередь, подписанный между российским «Газпромом» и турецкой компанией «BOTAS» меморандум о взаимопонимании по

⁴ См.: Официальный сайт трубопровода «Южный поток» [Электронный ресурс] <http://www.south-stream.info/ru/pipeline/significance/> (дата обращения 13.09.2014).

⁵ См.: Höltschi R. Brüssel will Energieeffizienz um 30 Prozent steigern Neue Zürcher Zeitung. [Электронный ресурс] <http://www.nzz.ch/wirtschaft/bruessel-will-energieeffizienz-um-30-prozent-steigern-1.18349610>. (Дата обращения 25.08.2014).

⁶ См.: «Газпром» в мае подпишет контракт с Китаем на поставку 38 млрд куб м газа Информационное агентство России «ТАСС» [Электронный ресурс] <http://itar-tass.com/ekonomika/1019882> (дата обращения: 20.10.2014).

⁷ См.: Максимов Е. Загадочная цена и огромные перспективы. Всё, что нужно знать о контракте России с Китаем. Официальный сайт телеканала «Дождь» [Электронный ресурс] http://tvrain.ru/articles/zagadochnaja_tsena_i_ogromnye_perspektivy_vse_chno_nuzhno_znat_o_kontrakte_rossii_s_kitaem-368743/ (дата обращения 11.09.2014).

строительству морского газопровода позволяет России поставлять углеводороды в Турцию, а дальше – на Юг Европы, минуя бесконечный, затянутый и остро политизированный переговорный процесс с партнёрами из ЕС.

Список литературы

1. Анненков В.И., Лахтовский Н.М. Энергетическая безопасность в условиях глобализации // Обозреватель-Observer. 2010. № 1. С. 36–47.
2. Кавешников Н.Ю. Некоторые итоги либерализации энергетических рынков Европейского союза [Электронный ресурс] // [Perspectivy.info](http://perspectivy.info). 20 октября 2011. Режим доступа: http://perspectivy.info/oikumena/ekdom/nekotoryje_itogi_liberalizacii_energeticheskikh_rynkov_jevropejskogo_sojuza_2011-10-20.htm (дата обращения: 14.10.2014).
3. Кавешников Н.Ю. Развитие внешней энергетической политики Европейского союза // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 82–91.
4. Миронов Н. Учебное пособие по курсу «Международная энергетическая безопасность». М: МИТЭК МГИМО (У) МИД России, 2003. 165 с.
5. Мухаметов Р.С. Энергетическая безопасность ЕС и интересы России // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2010. № 1 (73). С. 39–45.
6. Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010) / Институт стратегических оценок и анализа; Под общ. ред. В. А. Гусейнова. М.: Красная звезда, 2011. 451 с.
7. Оганесян А.Г. Украинский кризис: энергетический вызов России? // Международная жизнь. 2014. № 8. С. 17–34.
8. Varitakis S., Energy Security: the case of Europe and Russia PhD thesis. London: Webster University, 2008. 132 p.
9. De Micco P. In-depth analysis – The EU's energy security made urgent by the Crimean crisis. [Электронный ресурс] // European Parliament. Directorate-General For External Policies. Policy Department. 2014. Режим доступа: <http://cdn1.vol.at/2014/04/Kommissionsstudie.pdf> (дата обращения 09.10.2014).
10. Tufa M. Increasing Energy Security: Interdependence and diversification. Phd thesis. Missouri: University of St. Louis, 2006. 48 p.

Об авторе

Леонов Егор Сергеевич – атташе Генерального консульства РФ во Франкфурте-на-Майне, аспирант кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России. E-mail: leonovgeorge@gmail.com.

THE SPECIFIC FEATURES OF CONTEMPORARY THE RUSSIAN FOREIGN ENERGY POLICY SHIFT

E.S. Leonov

Consulate General of the Russian Federation in Frankfurt am Main, Eschenheimer Anlage 33-34, 60318 Frankfurt am Main, Germany.

Abstract: *In recent years there has been brewing up a necessity in Russia to change direction of its external energy policy radically as a result of unconstructive and hugely politically charged approach of the EU – main and traditional partner of Russia – to settlement of fundamental issues in bilateral cooperation. First of all this refers to failed efforts to create regional energy security system, based on respective institutions and legal framework, by reason of unwillingness of the EU to respect the Russian standpoint as an exporter of energy resources. As a result, there is a legal vacuum today in energy cooperation between Russia and the EU, which they failed to fill.*

The current political crisis in Europe, which is caused by accession of the Republic of Crimea to the Russian Federation and events in Ukraine, has aggravated long-standing problems of energy partnership EU-Russia. At the same time active EU policy on diversification of energy sources and supply routes discredits peculiar role of Russia as EU key energy supplier. These factors have triggered a significant revision of Russian interests in favor of eastern direction. A new promising contract with China on 21 May 2014 and memorandum with Turkey on 1 December 2014 are the milestones of the present Russian eastern policy. Both contracts can disrupt power balance on the global energy market.

The article deals with background and causes for the present Russian eastern activity.

■ **Международные отношения и мировая политика**

Key words: European Union, Russia, energy partnership, energy security, energy dialogue, energy dependence, diversification of energy imports, external energy policy of Russia.

References

1. Annenkov V.I., Lahtovskij N.M. Jenergetičeskaja bezopasnost' v uslovijah globalizacii [Energy security in the context of globalization]. Observer, 2010, no. 1, pp. 36–47. (In Russian)
2. Kaveshnikov N.Ju. Nekotorye itogi liberalizacii jenergetičeskikh rynkov Evropejskogo sojuza [Some results of the EU energy markets liberalization] Perspektivy.info, 20.10.2011. Available at: http://perspectivy.info/oikumena/ekdom/nekotoryje_itogi_liberalizacii_energetičeskikh_rynkov_jevropejskogo_sojuza_2011-10-20.htm (accessed 14/10/2014). (In Russian)
3. Kaveshnikov N.Ju. Razvitie vneshnej jenergetičeskoj politiki Evropejskogo sojuza [The evolution of the EU foreign energy policy]. Vestnik MGIMO-Universiteta - Vestnik MGIMO-University, 2013, no. 4, pp. 82–91. (In Russian)
4. Mironov N. Mezhdunarodnaja jenergetičeskaja bezopasnost' [International energy security]. MITEK MGIMO (U) MID Rossii. 2003. 165 p. (In Russian)
5. Muhametov R.S. Jenergetičeskaja bezopasnost' ES i interesy Rossii [EU energy security and Russian interests] Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Obščestvennija nauki [News of the Ural State University. Social sciences], 2010, no. 1 (73), pp. 39-45. (In Russian)
6. Neftegazovyj kompleks Rossii: tendencii razvitija (2000-2010) [Oil and gas sector of Russia: development trends] Institut strategičeskikh ocenok i analiza [Institute of strategic assessment and insight]; Ed. by V.A. Gusejnov. Moscow, Krasnaja zvezda Publ., 2011. 451 p. (In Russian)
7. Oganessian A.G. Ukrainskij krizis: jenergetičeskij vyzov Rossii? Mezhdunarodnaja zhizn', 2014, no. 8, pp. 17–34. (In Russian)
8. Baritakis S., Energy Security: the case of Europe and Russia. PhD thesis. London: Webster University, 2008. 132 p.
9. De Micco P. In-depth analysis – The EU's energy security made urgent by the Crimean crisis. European Parliament. Directorate-General For External Policies. Policy Department, 2014. Available at: <http://cdn1.vol.at/2014/04/Kommissionsstudie.pdf> (accessed 09.10.2014).
10. Tufa M. Increasing Energy Security: Interdependence and diversification. Phd thesis. Missouri: University of St. Louis, 2006. 48 p.

About the author

Egor S. Leonov – attache of the Consulate General of the Russian Federation in Frankfurt am Main; PhD student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). E-mail:leonovgeorge@gmail.com.